

На развитом корабле / рассказ

Category: Hekayalar, Kitapcy

написано kitapcy | 24 января, 2025

На развитом корабле / рассказ НА РАЗВИТОМ КОРАБЛЕ

Вчера было 31 декабря.

Я завтракал у моего старого друга Жоржа Гарена. Слуга подал ему письмо, покрытое заграничными марками и штемпелями.

Жорж спросил:

– Ты позволишь?

– Разумеется.

И он принялся читать восемь страниц, исписанных вдоль и поперек крупным английским почерком. Он читал медленно, серьезно, внимательно, с тем интересом, какой вызывает в нас то, что близко нашему сердцу.

Потом положил письмо на камин и сказал:

– Послушай, какая забавная история! Я тебе ее никогда не рассказывал, а история романтическая и произошла она со мной. Да, странная у меня выдалась в тот раз встреча Нового года. Это было двадцать лет тому назад... ну да, мне тогда было тридцать, а теперь пятьдесят...

Я служил в то время инспектором в том самом Обществе морского страхования, которым руковожу сейчас. Я собирался провести праздник Нового года в Париже – раз уж принято праздновать этот день, – но неожиданно получил от директора письмо с распоряжением немедленно отправиться на остров Рэ, где разбился застрахованный у нас трехмачтовик из Сен-Назера. Письмо пришло в восемь часов утра. В десять я явился в контору за инструкциями и в тот же вечер выехал экспрессом, доставившим меня на следующий день, 31 декабря, в Ла-Рошель.

У меня оставалось два часа до отхода Жана Гитона, парохода, идущего на Рэ. Я прошелся по городу. Ла-Рошель – действительно необыкновенный и крайне своеобразный город: улицы в нем запутаны, как в лабиринте, над тротуарами тянутся бесконечные галереи со сводами, точно на улице Риволи, но только низкие; эти приплюснутые таинственные галереи и своды похожи на

декорацию для заговоров, которую забыли убрать, на старинную волнующую декорацию былых войн, героических и грозных религиозных войн. Это типичный старый город гугенотов, суровый, замкнутый, без тез величественных памятников, которые придают Руану такое великолепие, но замечательный всем своим строгим и даже немного угрюмым обликом, – город упорных бойцов, очаг фанатизма, город, где воспламенялась вера кальвинистов и где зародился заговор четырех сержантов.

Побродив немного по этим странным улицам, я сел на черный пузатый пароходик, который должен был доставить меня на остров Рэ. Он отчалил, сердито пыхтя, прошел между двумя древними башнями, охраняющими порт, пересек рейд, вышел за дамбу, построенную Ришелье, огромные камни которой, виднеющиеся на уровне воды, окружают город гигантским ожерельем, и повернул вправо.

Был один из тех хмурых дней, что подавляют и гнетут мысль, наводят тоску, убивают бодрость и энергию: пасмурный ледяной день, насыщенный промозглым туманом, мокрым, холодным, как изморозь, зловонным, как испарения сточных труб.

Под навесом низко стелющегося, зловещего тумана лежало море, желтое, мелководное, с бесконечными песчаными отмелями, без ряби, без движения, без жизни, море мутной, жирной, застойной воды. Жан Гитон шел, как обычно, слегка покачиваясь, прорезая густую сплошную массу этой воды и оставляя за собой легкое волнение, легкий всплеск, легкое колыхание, которые быстро затихали.

Я разговорился с капитаном, коротеньким человечком почти без ног, таким же круглым и валким, как его корабль. Мне хотелось узнать подробности крушения, которое я собирался обследовать: большую трехмачтовую шхуну из Сен-Назера, Мари Жозеф, выбросило в бурную ночь на отмели острова Рэ.

Буря выбросила корабль так далеко, писал судовладелец, что невозможно было сдвинуть его с мели, и пришлось только спешно переправить с него на берег все, что можно было снять. Мне предстояло установить, в каком положении находится судно, определить, каково было его состояние перед катастрофой, и выяснить, все ли меры были приняты, чтобы снять его с мели. Я

был послан как представитель Общества, чтобы в случае надобности выступить на суде против истца.

По получении моего доклада директор должен был решить, какие шаги предпринять, чтобы оградить интересы Общества.

Капитан Жана Гитона оказался в курсе дела, так как он со своим пароходиком участвовал в попытках спасти шхуну.

Он рассказал мне о крушении, которое произошло, в сущности, очень просто. Мари Жозеф, гонимый жестоким ветром, сбился ночью с пути и неся наугад по морю, покрытому пеной, «как молочный суп», по выражению капитана, пока не наткнулся на огромные банки, превращающие во время отлива берега этого района в беспредельную Сахару.

Беседуя с капитаном, я смотрел вперед и по сторонам. Между нависшим небом и океаном оставалось свободное пространство, и взор беспрепятственно уходил вдаль. Мы шли вдоль берега. Я спросил:

– Это остров Рэ?

– Да, сударь.

Вдруг капитан протянул вперед правую руку и, указав открытым море на почти незаметную точку, сказал:

– Вон он, ваш корабль!

– Мари Жозеф?

– Да.

Я был поражен. Эта, почти невидимая, черная точка, которую я принял бы за скалу, казалось, отстояла не менее чем на три километра от берега.

– Но, капитан, – сказал я, – в том месте, которое вы показываете, должно быть, не менее ста брасов глубины!

Он засмеялся:

– Сто брасов! Что вы, мой друг? Там и двух не будет, уверяю вас!..

Капитан, видимо, был родом из Бордо. Он продолжал:

– Сейчас прилив, девять часов сорок минут. А вот вы позавтракайте в «Гостинице дофина», заложите-ка руки в карманы да отправляйтесь погулять по пляжу, и ручаюсь вам, что в два пятьдесят или, самое позднее, в три часа вы подойдете к разбитому кораблю, не замочив ног. Можете пробыть на нем час и

три четверти или два часа, но никак не больше, иначе вас застигнет прилив. Чем дальше уходит море, тем быстрее оно возвращается. А отмель эта плоская, как клоп! Так не забудьте: в четыре пятьдесят вы должны отправиться обратно, а в половине восьмого вам надо быть на Жане Гитоне, который в тот же вечер высадит вас на набережной Ла-Рошели.

Я поблагодарил капитана и отправился на нос парохода – посмотреть на городок Сен-Мартен, к которому мы быстро приближались.

Городок этот похож на все миниатюрные порты, столицы мелких островов, рассеянных вдоль материка. Это большое рыбацкое село стоит одной ногой в воде, другой на земле, питается рыбой и птицей, овощами и ракушками, редиской и мидиями. Остров низкий, плохо обработан, но густо населен; впрочем, я не заходил вглубь.

После завтрака я прошел на небольшой мысок, и так как море быстро отступало, я отправился через пески к черному утесу, выступавшему над водой далеко-далеко.

Я быстро шел по этой желтой равнине, упругой, как живая плоть, и, казалось, покрывавшейся испариной под моими шагами. Море только что было тут, но теперь я видел, как оно убегало вдаль, почти теряясь из виду, так что я уже не мог различить линию, отделяющую пески от океана. Мне казалось, что я присутствую при величественной, волшебной феерии. Атлантический океан сейчас еще был передо мною, и вдруг он ушел в отмель, как декорация в люк, и я шел теперь посреди пустыни. Оставалось только ощущение, только дыхание соленой воды. Я чувствовал запах водорослей, запах волн, крепкий и приятный запах побережья. Я шел быстро, и мне уже не было холодно, я глядел на разбитый корабль, и по мере того, как приближался к нему, он все увеличивался и теперь походил на огромного кита, выброшенного на берег.

Корабль, казалось, вырастал из земли, принимал чудовищные размеры на этой необозримой желтой равнине. После часа ходьбы я наконец добрался до него. Он лежал на боку, искалеченный, разбитый; его сломанные ребра, ребра из просмоленного дерева, пронзенные огромными гвоздями, выступали наружу, как ребра

зверя. Песок уже вторгся в него, проник во все щели, овладел им с тем, чтобы уже не выпустить. Судно словно пустило в него корни; нос глубоко врезался в мягкий и коварный грунт, а поднятая корма, казалось, бросала в небо как отчаянный вопль два белых слова на черном борту: Мари Жозеф.

Я взобрался с накренившейся стороны на этот труп корабля и, очутившись на палубе, сошел в трюм. Свет, проникая через разломанные трапы и трещины, тускло освещал длинный, мрачный погреб, загроможденный обломками деревянных частей. Здесь тоже не было ничего, кроме песка – почвы этого дощатого подземелья, Я принялся делать заметки о состоянии судна. Усевшись на пустую разбитую бочку, я писал при свете, проникавшем из широкой трещины, сквозь которую виднелась бесконечная гладь отмели. От холода и одиночества у меня порой пробегали мурашки по спине, иногда я бросал писать, прислушиваясь к смутным и таинственным шорохам внутри корабля: к шороху крабов, скребущих обшивку крючковатыми клешнями, к шороху множества мельчайших морских животных, уже водворившихся на этом мертвеце, а также к тихому, равномерному шороху древоточца, который, скрипя, как бурав, безостановочно сверлит старое дерево, разрушая и пожирая его.

И вдруг я услышал совсем близко человеческие голоса. Я подскочил, как будто увидел привидение. И правда, мне на мгновение представилось, что сейчас из глубины зловещего трюма передо мной поднимутся два утопленника и поведают о своей кончине. Я не стал медлить, выскочил на палубу, подтянувшись на руках, и увидел, что у носа корабля стоит высокий господин и с ним три молодые девушки, или, говоря точнее, высокий англичанин и три мисс. Они, конечно, испугались еще больше моего при виде существа, столь внезапно появившегося на этом брошенном трехмачтовике. Младшая из девушек обратилась в бегство, а две другие обеими руками уцепились за отца. Но он только раскрыл рот – это был единственный видимый признак его волнения.

Через мгновения он заговорил:

– Ао, сударь, вы есть владелец этого корабль?

– Да, сударь.

– Могу я его посещать?

– Да, сударь.

Тогда он произнес длинную английскую фразу, в которой я разобрал только одно слово – gracious [1], повторявшееся несколько раз.

Заметив, что он ищет, откуда бы взобраться на корабль, я указал ему наиболее удобное место и протянул руку. Он влез, а затем мы помогли вскарабкаться трем девушкам, которые уже успели успокоиться. Они были очаровательны, в особенности старшая, восемнадцатилетняя блондинка, свежая, как цветок, такая изящная, такая прелестная! Право, хорошенькие англичанки напоминают нежные дары моря. Можно было подумать, что эта мисс возникла из песка, и ее волосы еще хранили его оттенок. Восхитительной свежестью и нежным цветом лица английские девушки напоминают розовые ракушки или редкие и таинственные жемчужины, рождающиеся в неведомых пучинах океана.

Она говорила по-французски немного лучше отца и взяла на себя роль переводчицы. Мне пришлось рассказать о кораблекрушении в мельчайших подробностях, которые я выдумывал, как будто сам присутствовал при катастрофе. Потом все семейство спустилось внутрь корабля. Как только они проникли в его темные, едва освещенные недра, посыпались восклицания удивления и восторга, и вдруг и отца и у трех дочерей очутились в руках альбомы, спрятанные, по-видимому, в их широких непромокаемых пальто, и они одновременно начали четыре карандашных наброска этого печального и причудливого места.

Они уселись в ряд на выступавшей балке, и четыре альбома на восьми коленях быстро покрылись мелкими штрихами, которым надлежало изображать разбитое чрево Мари Жозефа.

Старшая из девушек, не отрываясь от работы, разговаривала со мной, пока я продолжал обследовать скелет корабля.

Я узнал, что они проводят зиму в Биаррице и приехали на остров Рэ специально для того, чтобы взглянуть на трехмачтовик, увязший в песке. В этих людях не было и следа английской чопорности. Это были славные, простые чудаки, из числа тех вечных странников, которыми Англия наводняет весь земной шар. Отец был длинный, сухопарый, и его красное, окаймленное седыми

бакенбардами лицо походило на живой сандвич, на ломтик ветчины, вырезанный в форме человеческой головы и проложенный между двумя волосяными подушечками; дочери, длинноногие, как молодые цапли, и такие же сухопарые, исключая старшей, как их отец, были очаровательны все три, особенно старшая.

У нее была такая забавная манера говорить, рассказывать, смеяться, понимать или не понимать, вопросительно обращать на меня глаза, синие, как глубокие воды, бросать работу, чтобы угадать смысл моих слов, снова приниматься за рисунок, говорить «уес» или «по», что я готов был без конца глядеть на нее и слушать ее.

Вдруг она прошептала:

– Я слышу маленький движение на корабль.

Я прислушался и тотчас же уловил какой-то легкий непонятный и непрерывный шум. Что это могло быть? Я встал, взглянул в щель и громко вскрикнул. Море подступило к нам и готово было отрезать нас от суши.

Мы тотчас же бросились на палубу. Поздно! Вода окружала нас и бежала к берегу с непостижимой быстротой. Нет, она не бежала – она скользила, ползла, расплывалась, как огромное пятно. Она покрывала песок всего на несколько сантиметров, но убегающая линия неуловимого прилива была уже далеко впереди.

Англичанин хотел спрыгнуть с корабля, но я удержал его: бегство было невозможно из-за глубоких ям, которые мы обходили по дороге сюда; возвращаясь, мы неминуемо попали бы в них.

На мгновение наши сердца сжались от ужаса. Потом маленькая англичанка улыбнулась и прошептала:

– Это мы потерпевший крушение.

Я хотел засмеяться, но меня охватил страх, отчаянный, предательский страх, подлый и коварный, как этот прилив. Мне сразу представились все опасности, которым мы подвергались. Мне хотелось позвать на помощь. Но кого?

Две младшие англичанки прижались к отцу, который растерянно глядел на беспредельное море, окружавшее нас.

Ночь надвигалась с такой же быстротой, как прилив, – тяжелая, сырая, ледяная ночь.

Я сказал:

– Делать нечего, придется остаться на корабле.

Англичанин ответил:

– Oh, yes!

Минут пятнадцать, а может быть, и полчаса, не знаю в точности, простояли мы так, глядя на желтую воду вокруг нас, которая поднималась и кружилась, словно кипела, словно играла на отвоеванном ею огромном пляже.

Одна из девушек продрогла, и мы решили сойти вниз, чтобы укрыться от легкого, но холодного бриза, который обдувал нас, пронизывая кожу, точно иглами.

Я нагнулся над трапом. Корабль был полон воды. Нам пришлось забиться в уголок у борта, хоть немного защищавшего от ветра.

Теперь нас обволакивала темнота, и мы сидели, прижавшись друг к другу, окруженные мраком и водой. Я чувствовал у своего плеча дрожащее плечо англичанки, ее зубы иногда вдруг начинали стучать; но я чувствовал нежное тепло ее тела сквозь платье, и это тепло было сладостно, как поцелуй. Мы больше не разговаривали; мы сидели неподвижно, молча, скорчившись, как звери в яме во время урагана. И все же, несмотря ни на что, несмотря на ночь, несмотря на страшную и все возрастающую опасность, меня начинало радовать то, что я здесь, меня радовали холод и опасность, радовали долгие часы мрака и ужаса, которые мне предстояло провести на этих досках, рядом с этой хорошенькой, прелестной девушкой.

Я спрашивал себя, откуда это странное чувство блаженства и счастья? Откуда?

Как знать? Оттого ли, что здесь была она? Но кто она? Какая-то незнакомая англичаночка. Я не любил ее, я не знал ее, и все же я был растроган, пленен! Мне хотелось спасти ее, пожертвовать собой, наделать ради нее тысячу безумств! Как странно! Чем объясняется, что присутствие женщины может до такой степени потрясти нас? Покоряет ли нас ее обаяние? Или же чары молодости и красоты пьянят нас, как вино?

А может быть, это прикосновение любви, той таинственной любви, которая беспрестанно стремится соединять живые существа, пробует свою силу всякий раз когда сталкивает лицом к лицу мужчину и женщину и наполняет их волнением, смутным, тайным,

глубоким волнением, как напоят водой землю, чтобы вырастить на ней цветы?

Между тем безмолвие темноты, безмолвие неба становилось страшным; мы смутно различали вокруг нескончаемый негромкий гул, рокот морского прилива, монотонный плеск волн, ударяющих о корабль.

Вдруг я услышал плач. Плакала младшая из англичанок. Отец пытался утешить ее, и они заговорили на своем языке, которого я не понимал. Я догадывался, что он успокаивает ее, но что ей страшно.

Я спросил свою соседку:

— Вам не очень холодно, мисс?

— О да, очень много холодно.

Я предложил ей свое пальто, она отказалась; но я уже снял пальто и закутал ее, несмотря на все протесты. Во время этой короткой борьбы я дотронулся до ее руки, и по всему моему телу пробежала сладкая дрожь.

За последние несколько минут воздух посвежел и плеск воды о борт корабля усилился. Я встал; резкий порыв ветра ударил мне в лицо. Поднялся ветер!

Англичанин заметил это одновременно со мной и сказал просто:

— Для нас это очень плохое.

Конечно, это было плохо; нас ожидала верная смерть, если бы волны, даже не очень сильные, стали ударяться о разбитый корабль и встряхивать его; он был до такой степени разломан и расшатан, что первый большой вал разнес бы его в щепки.

Отчаяние наше росло с каждым мгновением, с каждым порывом крепчавшего ветра. Море уже слегка волновалось, и я видел в темноте, как возникают и исчезают белые полосы, полосы пены; волны одна за другой налетали на корпус Мари Жозефа и сотрясали его быстрыми толчками, отдававшимися в наших сердцах.

Англичанка дрожала; я чувствовал, как она трепещет рядом со мной, и испытывал безумное желание сжать ее в своих объятиях.

Впереди, слева, справа и позади нас, по всему берегу светились маяки — белые, желтые, красные вращающиеся маяки, похожие на огромные глаза, на глаза великана, которые глядели на нас,

подстерегали, жадно выжидали нашей гибели. Один из них особенно раздражал меня. Он потухал каждые полминуты и тотчас же снова вспыхивал; это, право, был настоящий глаз с веком, непрерывно опускающимся над огненным взглядом.

Время от времени англичанин чиркал спичку, чтобы посмотреть, который час, а затем снова прятал часы в карман. Вдруг он обратился ко мне через головы дочерей и произнес с торжественной важностью:

– Сударь, поздравляю вас с Новым годом.

Была полночь. Я протянул ему руку, и он пожал ее; потом он произнес какую-то английскую фразу и вдруг вместе с дочерьми запел: *God save the Queen* [2]. Гимн понесся в черное небо, в безмолвное небо и развеялся в пространстве.

Сначала мне хотелось засмеяться, но потом меня охватило сильное и странное волнение.

Было что-то мрачное и возвышенное в этом гимне потерпевших крушение, приговоренных к смерти, похожее на молитву, но и нечто большее, что можно было бы уподобить лишь великолепному древнему *Ave, Caesar, morituri te salutant* [3].

Когда они кончили, я попросил мою соседку, чтобы она спела балладу или легенду, что угодно, лишь бы отвлечь нас от наших тревог. Она согласилась, и тотчас же ее чистый молодой голос полетел в ночь. Она пела, должно быть, что-то печальное, – протяжные звуки медленно слетали с ее губ и парили над волнами, как раненые птицы.

Море вздувалось и хлестало о корабль. Но я не думал ни о чем, кроме ее голоса. И еще я думал о сиренах. Если бы мимо нас прошла какая-нибудь лодка, что подумали бы матросы? Мой взволнованный ум увлекся мечтой. Сирена! Может быть, она и правда сирена, эта морская дева, удержавшая меня на разбитом корабле, чтобы вместе со мной погрузиться в волны?..

Вдруг мы все пятеро покатались по палубе: Мари Жозеф опрокинулся на правый бок. Англичанка упала на меня, я схватил ее в объятия и, уже ничего не понимая, не сознавая, решив, что наступил последний миг, безумно целовал ее щеку, висок, волосы. Корабль больше не двигался, не шевелились и мы.

– Кэт! – окликнул отец.

Та, которую я обнимал, ответила «yes» и сделала движение, чтобы высвободиться. Право, в этот миг мне хотелось, чтобы корабль разверзся и мы с ней вдвоем упали в воду.

Англичанин сказал:

– Немного качает, но это было ничего. Все мои три дочери целы. Не видя старшей, он сначала подумал, что она погибла!

Я медленно поднялся и вдруг заметил свет на море, совсем неподалеку. Я крикнул; мне ответили. Это была лодка, искавшая нас. Оказалось, что хозяин гостиницы предвидел нашу неосторожность.

Мы были спасены. Я был в отчаянии! Нас сняли с нашего плота и доставили в Сен-Мартен.

Англичанин потирал руки и бормотал:

– Хорошо ужин! Хорошо ужин!

И мы действительно поужинали. Но мне не было весело, я жалел о Мари Жозефе.

Наутро мы расстались после долгих рукопожатий и обещаний писать. Они вернулись в Биарриц. Я чуть было не поехал за ними.

Я был влюблен, я собирался просить руки этой девочки. Проведи мы вместе еще неделю, я бы непременно женился! Как порою слабы и непостижимы мужчины!

Прошло два года, и от них не было никаких вестей; потом я получил письмо из Нью-Йорка. Она вышла замуж и сообщала мне об этом. И вот с тех пор мы каждый год обмениваемся новогодними письмами. Она рассказывает мне о своей жизни, о детях, о сестрах и никогда ничего о муже. Почему? Да, почему?... А я пишу только о Мари Жозефе... Это, пожалуй, единственная женщина, которую я любил... нет... которую мог любить... Ах, ведь... мы ничего не знаем!.. События захватывают нас... а потом... а потом... все проходит... Сейчас она, наверно, старуха... я бы не узнал ее... Но та, прежняя... та, с корабля... какое создание... божественное!.. Она пишет, что стала совсем седая!.. Боже мой... как это больно!.. Ее белокурые волосы!.. Нет, нет, та, которую я знал, больше не существует... Как печально... как печально все это!..

[1] Любезно (англ.)

[2] Боже, спаси королеву.

[3] Цезарь, готовящиеся умереть приветствуют тебя (лат.)

* * *

Напечатано в «Голуа» 1 января 1886 года.

Город, где воспламенялась вера кальвинистов – намек на активное участие Ла-Рошели в религиозных войнах XVI века, когда Ла-Рошель была твердыней гугенотов – последователей Кальвина (1509 – 1564), главы протестантизма в Швейцарии и Франции.

Заговор четырех сержантов – один из наиболее известных военных заговоров, направленных к свержению Реставрации, участниками которого явились четыре сержанта-карбонария одного из полков гарнизона Ла-Рошели. Заговор был раскрыт, и участники его гильотинированы в Париже в 1822 году.

Дамба, построенная Ришелье. – Во время войн, которые Ришелье, министр Людовика XIII, вел против гугенотов, войска его в 1627 – 1628 годах безуспешно осаждали Ла-Рошель. Наконец по приказу Ришелье была возведена дамба, отрезавшая осажденным доступ к морю и вынудившая крепость к сдаче.

Брас – морская сажень.

Был родом из Бордо – намек на то, что капитан в качестве уроженца Бордо, приморского города, отлично знает море. Вместе с тем капитан говорит с особым акцентом, которого в переводе мы не передаем.

Мидия – сорт ракушек.

Ave, Caesar, morituri te salutant – «Цезарь, готовящиеся умереть приветствуют тебя». Возглас римских гладиаторов-рабов перед их сражением на арене цирка.

Ги де Мопассан. Собрание сочинений в 10 тт. Том 6. МП «Аурика», 1994.

Перевод Е. Александровой. Heḱaýalar